

Глава 26. Чаша Белых Облаков

Цан Доушань насторожился и внимательно всмотрелся в профиль стоявшей рядом девицы. Она и впрямь была ослепительно красива, но чем дольше он на неё смотрел, тем отчетливее понимал: за этой безупречностью кроется какой-то подвох.

Не успел он сообразить, в чём дело, как Вэйшэн резко поднялся и молниеносным движением ухватил девицу за щеку. Потянул назад, будто подцепив невидимый край, и с негромким треском сорвал нечто с её лица.

Цан Доушань лишился дара речи от изумления.

Служанки вокруг испуганно ахнули. Однако девушка безмятежно приложила палец к губам, призывая к тишине, и те послушно умолкли. Стражники, собиравшиеся было броситься на обидчика, тоже застыли на месте.

— Так-то лучше, — Вэйшэн покрутил в пальцах тончайшую, почти невесомую плёнку, напоминающую сгусток чистого воздуха, и аккуратно опустил её на стол. — Госпожа, вам эта вещица ещё понадобится?

— У меня есть ещё, — мягко улыбнулась та. — Ты первый, кто раскрыл обман. Любопытно, как тебе это удалось?

— Да уж больно ты хороша. Слишком хороша для простого человека, аж приторно, — Вэйшэн засунул в рот пирожное и невнятно пробормотал: — Нечестно так сбивать людей с толку.

Цан Доушань тем временем незаметно потянулся к столу и подобрал сорванную маску. Мягкая, почти невесомая и настолько прозрачная, что в ней легко было запутаться взглядом. Он поднёс её к лицу, принялся, и его осенило:

— «Баллада Лисьей Маски»?

Девушка лукаво сощурилась:

— О, а вы, сударь, весьма начитанны и проницательны.

— Полно вам, — отозвался Цан Доушань.

Он лукавил — когда-то старшая сестра в его присутствии язвительно высмеяла эту безделушку, обронив, что лишь девицы, обделённые природной красотой, цепляют на себя подобное, дабы туманить разум мужчинам.

Впрочем, когда маска была снята, незнакомка вовсе не оказалась дурнушкой. Черты её оставались правильными и тонкими, просто исчезло то гипнотическое, пугающее очарование, от которого перехватывало дыхание.

— Так вы пришли сюда, чтобы разрешить трудности в самосовершенствовании? — перевела разговор девица. — Расскажите мне. Возможно, я сумею вам чем-то помочь.

Цан Доушаню стало неловко лгать дальше.

— Не совсем так, — признался он. — Сюда меня привели не только вопросы совершенствования, но и давний сон. Мне грезилось, будто я уже бывал в этих краях.

— Вот как? — на её лице отразилось искреннее любопытство.

И тут Цан Доушань пустил в ход всё своё красноречие, живописав выдуманное сновидение в таких красках, что впору было поверить. Он поведал, что с затыком в духовном продвижении уже покончено, а задерживается он здесь ради сокрытой пещеры, которую видел во сне, надеясь отыскать её и заглянуть внутрь.

— И за этим водопадом действительно есть тайная обитель?

— Я видел врата, — вздохнул Цан Доушань. — Да только сил моих маловато, чтобы совладать с их запорами.

— Что ж, тогда я попробую, — девушка легко поднялась с места.

Она ступила прямо на водную гладь реки. Её шаги были настолько легки и стремительны, что одним движением она покрывала расстояние в несколько чжанов. Вэйшэн ошеломлённо вытаращил глаза. Цан Доушань же остался равнодушен, сочтя это обычным бахвальством: техника «Шаг в тысячу ли» предназначалась для дальних странствий, а тратить её на пару десятков шагов — чистое пижонство.

Приблизившись к грохочущей стене водопада, девушка вскинула руки вверх. Водный поток вздыбился, устремившись вспять, против течения. Воздух пронзил резкий, обжигающий холод: тысячи пудов воды в мгновение ока сковала лазурная ледяная корка, выгнувшаяся широкой, величественной аркой.

— Живее! Ледяной заслон долго не выдержит! — крикнула она.

Этот фокус заставил Цан Доушаня пересмотреть своё мнение о спутнице. Очевидно, девица уже преодолела рубеж царства Глубокой Рыбы и достигла как минимум середины её Тёмной ступени — иначе сковать ледяным панцирем бушующую массу воды за долю секунды ей бы просто не хватило сил.

Девушка взмыла вверх и мягко опустилась у самого входа в пещеру. Резким ударом ноги она сбила скользкий зелёный мох со скалы, превратив его в пыль. От старых камней тут же поднялось облако ядовито-зелёных испарений, накрыв подоспевших мужчин с головой.

— Кхе-кхе-кхе! — оба нутужно закашлялись, отмахиваясь от едкой взвеси.

Тем временем девица провела ладонью по каменной плите, нащупала скрытый рычаг и с силой надавила. Ровный пласт камня с глухим щелчком ушёл вглубь, и скрытый механизм провернул плиту оборотной стороной, усеянной сложной вязью защитных рун.

Она направила в символы свою духовную силу. Руны тускло блеснули на мгновение и тут же погасли. Сколько она ни пыталась насытить узор своей энергией, древняя печать оставалась мертва и безучастна.

— Погоди, дай я попробую, — зажав нос ладонью, Цан Доушань шагнул вперёд.

Он приложил ладонь к камню и пустил тонкую струю собственной духовной энергии. Одно за другим очертания заклинания начали разгораться ровным светом. Внутренние механизмы зашевелились, заскрежетали, и доселе недвижимые затворы пришли в движение, оглашая грот глухим подземным гулом.

В этот же миг ледяная арка снаружи с треском рухнула. Многотонные глыбы льда обрушились в речную пучину, породив грохот, схожий со взрывом порохового склада. Округу потряс оглушительный рокот.

Во все стороны взметнулись каскады брызг. В тот же миг каменная плита со скрежетом отползла в сторону, полностью открывая проход. Цан Доушань шагнул в полумрак пещеры и блаженно потянулся:

— Ох, благодать... Внутри куда теплее, чем снаружи под водяной пылью.

Вещи, оставленные им здесь в незапамятные времена, лежали нетронутыми на прежних местах, укрытые лишь вековым слоем серой пыли. Без лишних блужданий, ведомый старой памятью, он потянулся к верхней полке стеллажа и бережно снял невзрачный глиняный сосуд — главную цель своего похода.

Следом он прибрал к рукам несколько пространственных колец с духовными камнями. Из любопытства выдернул пробку из пары флаконов с целебными снадобьями, но тут же отшатнулся — пилюли внутри давно превратились в зловонную чёрную жижу, похожую на гнилую вату, от которой несло нестерпимой тухлятиной.

Вэйшэн же, словно ребёнок в лавке сластей, устремился к груде оружия и артефактов. Он с азартом ухватился за рукоять старинного бронзового меча с кольцом на эфесе, но стоило ему

потянуть клинок на себя, как хрупкое от времени лезвие отломилось и со звоном рассыпалось в прах.

Заложив руки за спину, Цю Вэйгэ с интересом огляделась кругом:

— Так вот как выглядит величие, запечатанное на целую тысячу лет. Время не щадет ничего.

Вэйшэн перерыл почти всю гору древнего снаряжения, но большинство находок разваливалось прямо в руках. Те немногие вещицы, что уцелели, либо совершенно не годились для его боевого стиля, либо несли на себе столь зловещую ауру, что прикасаться к ним было боязно. Так и не выбрав ничего путного, он в крайнем разочаровании со злостью пнул кучу рухляди под ногами.

Девушка скользнула взглядом по глиняной чаше в руках Цан Доушаня и усмехнулась:

— А этот невзрачный горшок на удивление похож на тот, что хранится в моей семье.

Цан Доушань промолчал, лишь понимающе едва заметно улыбнулся.

«Чаша Белых Облаков» — диковинный составной артефакт, чья истинная мощь до сих пор оставалась загадкой для заклинателей. Он состоял из множества подобных сосудов, пронумерованных от единицы до бесконечности, и никто в поднебесной не знал, сколько их существует на самом деле. На той чаше, что держал сейчас Цан Доушань, изнутри и снаружи были выгравированы семнадцать звёзд. Между ними тянулась тончайшая, замысловатая вязь линий. На первый взгляд узор казался хаотичной детской мазнёй, но знающие люди давно разгадали его тайну: эти переплетения в точности повторяли траектории движения небесных светил.

Оттого и ходили слухи, будто Чаша Белых Облаков — божественное сокровище, способное даровать владельцу силу самого космоса, стоит лишь собрать все части воедино. Вот только звёзд на небесах без счета, а значит, и чаш должно быть бесконечно много. В мире практиков этот артефакт почитали как великое, но совершенно бесполезное сокровище. Единственным его применением на деле оставалось хвастовство: чем могущественнее был клан, тем больше таких чаш пылилось в его сокровищницах.

— На нашей семейной чаше всего пять звёзд, — заметила Цю Вэйгэ, осторожно коснувшись пальцами «Чаш Белых Облаков номер семнадцать». Она мягко улыбнулась: — И линии там выведены куда изящнее. А здесь сплошная неразбериха.

— Зато она настоящая, — с усмешкой парировал Цан Доушань.

Про себя он подумал: «Когда секта Сихэ уже владела тремя тысячами таких чаш, твои предки ещё пешком под стол ходили».

— Твой вещий сон... — девушка посерьёзнела, вглядываясь в его лицо. — Подобная удача выпадает раз в тысячелетие. Меня зовут Цю Вэйгэ. А как мне величать тебя, и откуда ты родом?

— Полноте, госпожа Цю, с вашим-то положением разузнать всё обо мне — дело пары минут, — уклонился от прямого ответа Цан Доушань. — Скажу лишь одно: коли заглянете в мою лавку за пудрой и белилами, я непременно сделаю вам хорошую скидку.

Цю Вэйгэ удивлённо моргнула и покатилась со смеху. В этот момент звонкий, пронзительный клёкот птицы Чанкун заставил Цан Доушаня отвлечься. Отошедший подальше Вэйшэн радостно запрыгал на месте:

— Летит! Летит родимая! Сюда!

— Ну что же, госпожа Цю, мне пора, — Цан Доушань вежливо поклонился. — Премного благодарен за подмогу. Этот долг я обязательно верну при первой возможности.

— Пустяки, не стоит и упоминания, — отмахнулась она.

Вэйшэн к тому времени уже взобрался на широкую спину огромной птицы. Цан Доушань единым прыжком взлетел следом, устроившись позади него. Чанкун шумно отряхнулся, пробежал несколько шагов, забавно переваливаясь с боку на бок, а затем мощно взмахнул крыльями и легко оторвался от земли.

Летела птица невероятно быстро. Стоило ей поймать попутный поток, как оставшаяся на лугу Цю Вэйгэ превратилась в крошечную чёрную точку далеко внизу. Ещё один взмах крыльев — и они ушли в заоблачную высь, скрывшись из виду.

— Эх... — тяжело и картинно вздохнул Вэйшэн.

Цан Доушань, прекрасно всё понимая, решил раззадорить его:

— Чего нос повесил? Будто на похоронах.

— Да ну тебя! — буркнул парень. — Столько добра в пещере лежало, и ни одной целой побрякушки!

Цан Доушань не выдержал и рассмеялся:

— Дружище, этим вещам тысячи лет! С чего бы им блестеть как новеньким? Будь реалистом. Если тебе так уж нужен хороший артефакт, пойдём и купим в лавке. Деньги у меня теперь водятся.

При упоминании денег Вэйшэн мгновенно посмотрел с хищным блеском:

— Серьёзно? И сколько у нас?

— Хватит, чтобы ты ни в чём себе не отказывал, — усмехнулся Цан Доушань. — Выбирай что хочешь, а сдачу заберёшь себе. Идёт?

— Вот это разговор! — без тени смущения расплылся в улыбке Вэйшэн. — Никто не понимает меня лучше нашего молодого господина!

Цан Доушаню оставалось лишь покачать головой от такой наглости.

Когда они вернулись в Обитель Бессмертного Чайника, Цан Доушань первым делом заметил хлопчущего по хозяйству Ху Лэ. Тот, завидев хозяина, на мгновение замер, а затем поспешно отвёл глаза и выдавил:

— Приветствую, лавочник.

— Да ладно тебе, занимайся своими делами, — отозвался Цан Доушань. Он искренне хотел, чтобы его голос прозвучал как можно холоднее и суше, но притворяться не умел.

Ху Лэ молча кивнул и вернулся к работе. Атмосфера сделалась невыносимо натянутой. Пытаясь разрядить обстановку и сделать вид, будто ничего не произошло, Цан Доушань повернулся к Вэйшэну:

— Что у нас сегодня на ужин?

— Свинина в вишнёвом соусе.

— Слишком приторно.

— В том-то и прелесть! Кислятина нам ни к чему, — весело щебетал Вэйшэн, доставая из ледника плетёную корзину, доверху набитую спелой, глянцево-красной вишней. На ягодах блестели прозрачные капли талой воды, делая их похожими на россыпь драгоценных рубинов. — Гляди, какая красота! Специально для тебя у торговцев выменял. На, попробуй.

Цан Доушань наклонился и прямо из его ладони склевал одну ягоду.

— И впрямь сладкая.

Довольный Вэйшэн упорхнул на кухню колдовать над ужином. Цан Доушань ушёл в кабинет,

стёр пыль с письменного стола и крепко задумался. Взвесив все за и против, он решил выставить «Чашу Белых Облаков номер семнадцать» на самое видное место — на верхнюю полку резного стеллажа в торговом зале.

С одной стороны — скромно, с другой — любой, кто обладает достаточными знаниями и статусом, непременно зацепится за неё взглядом. Он подумывал было прихватить реликвию с собой на приём к госпоже Цинхэ, но вовремя отказался от этой затеи. Выглядело бы излишне навязчиво, а фальшь в таких делах только вредит.

И что теперь? Просто сидеть и ждать у моря погоды? Но сколько ещё продлится это ожидание?

Он нервно побарабанил пальцами по столешнице — глухой, частый стук заметался по комнате, выдавая его внутреннее смятение.

— Младший хозяин, вы у себя? — донёсся из-за двери тихий голос.

Цан Доушань едва не подскочил на месте, но вовремя взял себя в руки:

— Входи.

На пороге показался Ху Лэ. За последнее время он изрядно осунулся; стоял у двери, опустив руки и понурив голову, растеряв всю свою былую жизнерадостность. Сердце Цан Доушаня болезненно сжалось при виде его унылого облика. Не выдержав, он заговорил первым:

— Ну... как ты поживаешь?

— Сносно, — Ху Лэ замялся, не зная, куда деть руки. — Скажи... ты ведь давно понял, что я... не такой, как все остальные?

— Да, я знал, — выдохнул Цан Доушань, чувствуя, как бешено заколотилось сердце в груди. — Знал с самой первой нашей встречи. Ведь я был знаком с твоим учителем.

<http://bllate.org/book/18329/1863454>